

КС (498)

ЮЧТ

К-37719
Анатолит Жуане

СИНИЙ СЛЕД

ИЗБРАННЫЕ
СТИХИ

ПОЭМА

Национальная библиотека ЧР

k-037719

К. С. С. 995
1041
Ир
Анатолий Юенг ✓

СЫНУ
СЛЕД

КАВКА
ИЕР

Ульяновск
«Симбирская книга»
1992

84 ЧУВ.6
Ю 41

К-37719

НАЦИОНАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
ЧУВАШСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

ПРОВЕРЕНО

20/10

© «Симбирская книга», 1992 г.
© Кашеев В. Я. Оформление.

КУСАРАКАНТАН

А. Юман саввисем ансат, сав вӑхӑтрах вёсенче пурнӑс тути-масине тӑссе курнӑ сын шухӑшӑ тапса тӑрать, савӑнпа тыткӑна илещӑ те вёсем. Некрасов кёвви те палӑрать вёсенче. Сав вӑхӑтрах автор К. Иванов, Сеспӑл Мишши, каярах П. Хусанкайпа Ухсай Яккӑвӑ т.ыт. чӑваш поэзийӑн никӑсне хывнӑ унӑн ӑстисен ыра йӑли-йӑркисене те тытса пырать.

Пӑтӑмӑшпе илсен, шухӑша яракан тарӑн поэзи, унта авторӑ тӑван халӑхне юратни туллин пӑлӑрса тӑрать, сакӑ йӑлтах тӑван тымартан килет тейӑттӑм эпӑ. Автор саввисем интернационаллӑ, халӑхсем ку чухне пӑр-пӑринпе вӑрсӑшса та сапаланса пурӑннӑ тапхӑрта сакӑ уйрӑмах пӑлтерӑшлӑ. Анатолий Юман пултарулаӑхенче этемлӑхӑн ыранхи кунӑшӑн чӑререн пӑшӑрханны туллин палӑрса тӑрать.

Лев Бурдин

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

В творчестве А. Юмана слышны некрасовские мотивы. В то же время автор следует лучшим традициям чувашской поэзии, заложенным К. Ивановым, М. Сеспелем, а впоследствии — П. Хузангаем, Я. Ухсаем и другими ее творцами.

В целом — это раздумчивая, глубинная поэзия, полная любви к своему народу, к родным истокам. Стихи автора интернациональны, что особенно важно в наш век разобщенности и вражды. В них звучит неподдельная забота о завтрашнем дне человечества.

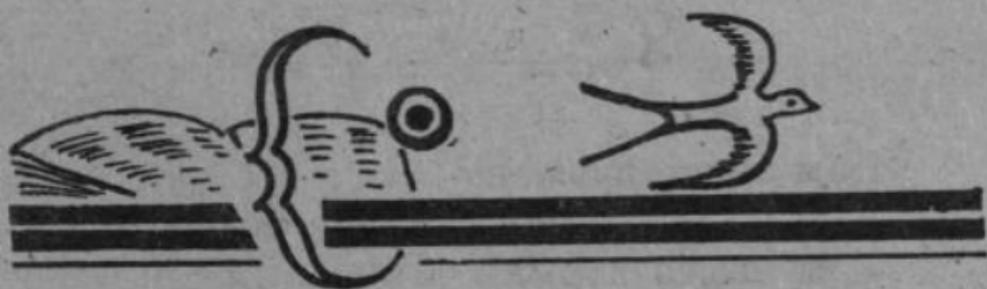
Лев Бурдин

* * *

Ас сўле вёсет-ха, кайкәр-кайяк, —
Кам тавать вәл мән шутланине?
Икё алә пёр ёс тытнә майяң
Сёкленет әс ситнё тўпене.

Тимёр-робот та әна тәраймё, —
Чи кирли вәл — чун-ске ёс валли!
Савәнпа этем нихсан аптрамё, —
Вәйлә та, әста та ун алли.

* * *

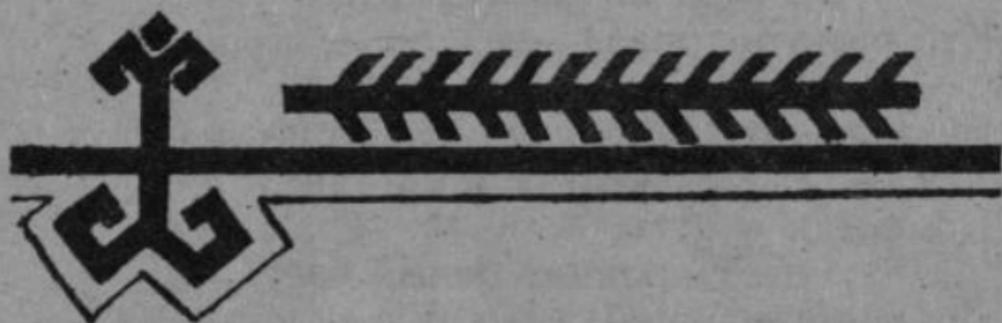
Человек умеет все на свете:
Проложить на зорьке борозду,
В небесах промчатся на рассвете,
Соловья услышать за версту.

Роботы людей никоим разом
Не заменят, хоть и хороши...
Оттого, что не живет в них разум,
Оттого, что нет у них души.

* * *

Кам типсе курман —
 шыв мённе пёлмест.
Кам выҫса курман —
 ҫакәрпа перет.
Кам ырса курман —
 ёҫ мённе пёлмест,
Кам инкек курман —
 иртёхсе йёрет.
Курманнин тёнче
 курас килнё, тет.
Курнин кив килне
 килес килнё, тет.
Ҫын тўсни-курни
 саманта пулать,
Ху тўсни-курни
 ёмёре юлать.
Кам пиҫсе курман —
 вут мённе пёлмест.
Унпала вылать —
 тёк тӑрас килмест.
Вӑйӑран тухать
 вӑкӑр, ҫёмёрсе,

Ҷёр-анне чунне
илме тилмёрсе.
Асърхаттарать
ахаль мар чаваш —
Ассърпа нихсан
эс ан пул йаваш.
Юлташу пултър
хавантан маттур,
Унпала нихсан
эсё курман хур.

СѢТКЕНЛѢ ҚѢР ЧѢЛХИ ЯЛАНЛАХ

ЯЗЫКОВО

Ятне илтме тахсан илтсен те,
Пулса курманччѣ ку тѣлте.
Қапах та инсетри килте
Памарѣ канӑс аслӑ витѣм.
Сӑртсем кармашнӑ пѣлете,
Кӑл тѣкѣрне курмашкан килтѣм.

Шута кайса лараҫсѣ ретѣн
Сӑртсен шап-шурӑ ҫамкисем.
«Мѣскер аса илессѣ?» — тетѣн, —
Курни-илтни нумай, пѣлетѣн, —
Чи аслӑ ватӑ пек вѣсем.

Пуҫ тӑпинчи кӑтри те паллӑ:
Ем-ешӗл ешерет вӑрман.
Вӑл, халӑх калашле, хӑлхаллӑ,
Кайса курсамӑр, кам курман!

Ку тӑрӑхра ҫӑренӗ Пушкин,
Ҫапла чап кӑнӗ ҫак яла.
Ҫав витѣме хуплаймӗ юшкан,
Шусан та Вӑхӑт малалла.

ЗЕМЛИ БЕССМЕРТНЫЕ ГЛАГОЛЫ

ЯЗЫКОВО

Хоть издавна слышал названье,
Все не случилось побывать,
Не выпадало повидать
Холмов живые очертанья,
Озер серебряную гладь
И облачные изваянья.

На облака из-под руки
Гляжу, гляжу как бы впервые,
А рядом — горы меловые,
Тяжелокудрые, седые,
В морщинах мощных старики.

Как необъятен свод небес!
Какое для души раздолье!
Все слышит этот чуткий лес,
Все видит дремлющее поле.

Как много помнит этот край,
Где вдруг заговорит с тобою
Все — неживое и живое —
Надейся, радуйся, внимай!

Кур: Вăхят пурттипе тѣпретнѣ
Паркри шап-шурă кермене.
Этем ѓс-тăнѣ пур. Вăл ҫитнѣ,
Шăварнă пурнăҫ калчине.

Ҫапла, йăлт пулнă...
Пуҫ таятăн
Чи хаклă ишѣк никѣсе.
Халь урăх вăй кунта, туятăн,
Кивви, ав, ларнă чикѣнсе.

Қаҫ-қаҫ кѣрсе ҫўрет яш-кѣрѣм,
Вылять-кулать ҫак шăплăхра.
Мѣн чухлѣ тѣс те ешѣл тѣрѣ
Куратăн авалхи паркра!

Чѣр палăк — Пушкин лартнă чăрăш
Тѣреннѣ тейѣн пѣлѣте.
Тавралăх — канăҫлă та ырă.
Хумсем чупса ҫўреҫҫѣ йăрă,
Инҫе хирте саралнă тырă
Паян куратăн ку тѣлте.

Иртнин хѣлхемѣ халь-и сўннѣ?
Вăл ялтăрать ламран лама.
Ҫѣртме ҫитсессѣн — Пушкин кунѣ —
Кунта поэзи вучѣ сунѣ,
Хай халăх тухѣ асăнма.

Где Пушкин некогда гостил
И взглядом обессмертил доли —
Там не заносит вязкий ил
Земли бессмертные глаголы.

Где время грозным топором
Прошло, дворцы рубя под корень, —
Как влага, память о былом
Питает всходы новых зерен.

Вовек не порывайся, связь
Всего, что есть, со всем, что было!
Иная роща поднялась,
Иная развернулась сила.

И молодой народ спешит,
Беспечный, шумный, разноцветный:
Туда, где старый парк стоит
В цветенье красоты бессмертной.

Поэту памятник живой —
Ель, что сажал когда-то Пушкин,
Пронзает своды над собой...
Век отошедший с днем грядущим
В лице земли равнодушном
Живут — преданья с новизной.

Людская память не умрет.
Из года в год, из рода в род
Заветным днем в начале лета
Придет к нам праздник — День Поэта,
Как вдохновение, придет.

ТЁЛПУЛУ

(1833)

Мускав җуләпеле кўме чупать.
Тагай та Теттеш, Прислониха
Хыҗра. Языкова җитес пулать.
Ку ялѣ — Пушкинән кѣтни-ха.

Шап-шур лѣпкеллѣ сарт. Эрешлѣ җурт.
Парк варринче ыртать ик тѣкѣр — кўлѣ.
Ашта илсе җитерчѣ Ёрѣмпур!
Тин вѣҗленсе килет ун вярәм җулѣ.

Килте-мѣн виҗҗеш те, курать поэт.
Халатпалах хайхискерсем. Телейлѣ.
Хаваслѣ Пушкин йалл! кулса илет,
Сасартак юнтарсан та кѣр хѣвелѣ.

Ашта? Хѣҗан? Ёҗсем мѣнле, таван?..
Ыйту җине ыйту...
— Васкатап питѣ.
Ёҗлемелле, шѣпи җапла. Мѣскер таван?..
Калаҗура туйтән аслѣ витѣм.

ВСТРЕЧА.

(1833)

И не дымит московский тракт —
Осенний день ступает тихо.
Вот город на семи ветрах
Остался сзади...

Прислониха,

А дальше — вольного пловца
Лесные зыбкие пределы,
И кто-то замахал с крыльца,
Так неуверенно, несмело!

Здесь, в теплой складке белых гор,
Язычества таится книга:
Просторный парк, и блеск озер...
«Позволь обнять тебя, Языков!..»

Заждался встречи этот дом —
Восторги. Возгласы. Объятыя.
Кипит беседа за столом,
Сегодня в полном сборе братья!

— Мёнле сывлать асамлă Ёрѐмпур?
Тен, ҫенѐ саввупа эс савантаран?
Сана валли кирли те пирѐн пур.
Ана ху халăхна пѐр эсѐ паран...

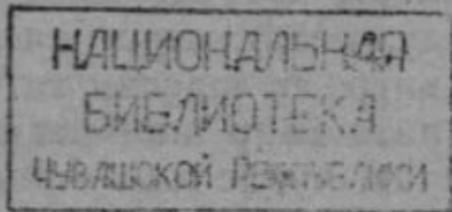
(Кѐҫ, «Пугачев пăлхавѐ» ҫапансан,
Тавансенчен пѐри — ҫапла та ҫырѐ:
«Кун ҫуррине эпир парсаччѐ каласа,
Кашни сăмахѐ — ҫунат сарнă юрă».)

— Эс ху та ятлă, эс хастар поэт,
Мана ахаль эс ытлаши мухтаран.
Манран та чаплăрах ҫырма пултаран, —
Хăна Языков поэтпа пуплет...

В ударе — Пушкин. Говорит:
«Ты — Божьей милостью, Языков,
Народный, русский наш пиит,
Свободный бард стихии зыбкой,

И пусть морской могучий вал
Коснется в схватке небосвода!
Тот гражданином не бывал,
Кто не испробовал свободы.
Поэт — мятежник и трибун...»
Осилит записей лавину,
И будет «Пугачевский бунт»
Языковским наполовину.

К-37719

КАВАК ЙЁР

П. В. Анненков Чириково салине таврӑнни
(1848, раштав)

Шӑнтать тӑнлавпала хулпуҫсине
Шап-шурӑ юр... Инкек кӑрт лартнӑ халь.
«Атте начар!..» — ҫыру йӑркисене
Вулать ун ывӑлӑ — философ, либерал.
Ҫӑртен тухни — ҫӑрех кӑрет, тӑван,
Эс вилӑм аллинчен тараймӑн, кӑлӑх...
Панаева курас пулать-ха ман,
Ана парас та ҫырнине — ҫула... Чун — тӑкӑс,
тӑлӑх.
Ёнер? Унта пур Вена, Дрезден та Париж...
Рим ҫивитти, унта тӑл пулчӑ Гоголь...
Ёмӑтсемпе ачалӑхах эс иш, —
Атте кил-ҫурчӑ тухса тӑчӑ шукӑль.
Шӑкӑр хуламӑрта ырри сахал,
Пӑхма хитре пулсассӑн та урамӑ!
Микул патшамӑр шанчӑксӑр пек халь,
Мухтанчӑк, чурӑс кам — апла каламӑ.
Вӑсем реххетленеҫҫӑ хуҫалла,
Ҫакна курмасть ик пуҫлӑ ӑмӑрткайӑк.
Раҫҫей талккишӑнче чӑн чуралла

СИНИЙ СЛЕД

Приезд П. В. Анненкова* в Чириково
(1848, декабрь)

Снег смертного одра вломился в дом —
Коснулся плеч и на виски упал.
«Отцу все хуже!..» — горбясь над письмом,
Страдает сын — философ, либерал.
Смерть своевластна — не перешагнуть,
Сбивает с ног внезапно, неизбежно.
Панаеву статью отдать и — в путь,
На дрожках во вчера, где нет надежды.
Вчера? Там Вена, Дрезден и Париж,
Беседы с Гоголем под вечным сводом Рима,
Там... отчий дом, где до сих пор паришь
Мальчишкой над судьбой неуловимой.
Возня столиц — самоубийство, вздор!
Здесь — чванство и тщеславие без края,
Доносы, лихоимство и террор
Под взором венценосца-Николая.

* Павел Васильевич Анненков (1813—1887) — русский литературный критик и мемуарист, первый биограф и исследователь творчества А. С. Пушкина.

Ҷаплах асапланать ман халӑх... Мён
тавайӑн?..

Ҷапах ҫук мар-ха шанчӑк та пирте,
Ҷын ёмёчё ахальтеӑ мар ҫунатлӑ.
Белинский, Герцен, Огарев ҫёрте
Параҫҫё сас... Тургенев пур — хӑватлӑ саслӑ.
Тен, сарлака ҫамкаллӑ — ӑслӑ Маркс
Шутлать тӑп-тӑрӑс? Нишлӑхре йӑл илмӑ
Этем ӑс-хакӑлӑ! Мёскер калас?
Ахаль ҫынна ансат та ҫӑмӑл килмӑ...
Вёҫет юр ҫийӑн тройка... Шӑнкӑрав
Кёмёл саспа янрать... Тинех ҫул уҫӑ.
Наталья Николаевна пысӑк тав! —
Анланчӑ чунёпе хӑрарӑм пуҫҫӑн.
Поэтӑн вут-сӑмахӑ — ик арча,
Раҫҫей чунне вӑратӑ, тетӑп, Пушкин.
Малашлӑх килӑ урӑхла пачах —
Тивӑҫлине туянӑ ӑссӑр ушкӑн.
Вӑрман кӑвакарать кӑҫ аякра,
Хирте — шап-шурӑ сурӑх тирлӑ утиялӑ...
Кунти ҫил-тӑмансем питех кӑра,
Чуна та ҫил-тӑман ҫаврать пек халӑ.
Раҫҫей тӑмансӑр-мёнсӑр пурӑнмасть,
Ҷав тӑманран ниҫта та хӑтӑлаймӑн.
Ҷуна кӑна чӑрет кӑвак йӑр, шунӑ май,
Вӑл — шанчӑк йӑрӑ, ҫук тесе калаймӑн.

Играет в жмурки с собственной судьбой
Орел двуглавый. Царские палаты
Дрожат. Темно в России крепостной
И душно. Но душа ее — крылата!
В душе — Белинский, Герцен, Огарев
И обделенных русских женщин гений —
Всемирное дитя, вещатель снов,
Всех покоривший кротостью Тургенев.
А может быть, широколобый Маркс
Мудрее? В нищете душа утопит!
Быть может, для непросвещенных масс
Уже довольно веры и утопий?!

...Несется тройка. Колокольцы — в лад,
Снег падает торжественно и плавно.
В путь отдала неоценимый клад
Милейшая Наталья Николавна —
Два сундука Поэта жарких строк:
Россию Пушкин все-таки разбудит!
Великосветской низости урок
Потомками еще осмыслен будет...

Вздыхает богатырский лес вдали,
Спит поле под овчинным одеялом.
Такие вьюги на душу легли,
А разыгравшейся зиме все — мало!
В России от нее спасенья нет,
Укрыться негде, и бежать нелепо.
Но оставляют сани синий след —
След веры, вдохновения и неба.

ГОНЧАРОВ ЧЁМПЁРТЕ

(1852)

Ак, Гончаров-сыравсә — хәрәхре,

Килет хай сынна ситнә Чөмпёре.

Пырать утса хула урамёпе,

Яланхи пек, вәл шукәль тумёпе:

Лампаслә сәрә шәлаварпала,

Сехечё — вәчәраллә япала.

Куҫа шартать эрешё-тамаши, —

Иртен-сүрен пәхать: ку сынах-ши?

— Писатель-и ку?

— Савә.

— Эй, тәнче!

Хама сырса кәтартнән туйәнчө.

— Ситменнине ентеш вәл, хамәр сын.

— Ан телёнтер, хисеплө господин!

Каластарать, савантарать роман.

— Кун пеккине хальччен те вуламан...

Паллассё те пелессё сыннине,

Кам-кам синчен сәмахё пынине.

...Вәхәт иртрё... Пьедестал синче

Гончаров тәрәть хай хулинче.

ГОНЧАРОВ В СИМБИРСКЕ

(1852)

Сорок лет он разменял, и вот
По симбирским улицам идет.
В серых брюках —

музы ученик,

И лампасы черные на них.

И брелок с часами золотой,

Да еще с цепочкою витой...

По последней моде сшитый фрак

Стал предметом зависти зевак,

И вослед вздыхает мещанин:

— Петербургский, видно, дворянин...

— Что, писатель, говоришь?

— Ну, да.

— Он же наш, симбирский,
господа!

— Гончарова сразу не узнал!

— Это он «Обломова» писал...

— Ну, а в нем досталось

нам сполна,

Лежебокам... Помнишь, старина?

— Да, писатель этот — голова!

Шанлаттарса җапать капмар сехет, —
Йәлт вәл аставать, вәл йәлт пәлет.
Ашшә килә мар-и ку ун, кур!
Вәхәт, вәхәт!.. Мән тәватән, мур!
Симәс ращана, җыр хәррине
Җур җитсен яш-кәрем иленет.
Ентешне манмасть тәван хула,
Ёмәрсем чәмаҗҗә Атәла...

Потекла по городу молва
Век за веком, и на пьедестал
Ныне Гончаров в Симбирске встал,
Звонницею дом родимый стал...
В старой роще, где родник игрив,
Так же ходит юность на обрыв,
Вспоминая славу земляка.
И плывут над Волгою века.

ЫЛТАН

В. Н. Назарьева

Хутор ўссе ларнӑ ял хӑрне,
Ҫын сӑмахӑ ахаль мар шавлать:
Пурнӑҫ юханшывӗн ҫыранне
Тӗс парса ларать ем-ешӗл сад.
Ӗмӗрленӗ ӗмӗрне хуҫа,
Ютшӑнман ялти ҫӑр ӗҫӗнчен.
Мала хунӑ ирӗк пурнӑҫа,
Кун кунланӑ хӑтлӑ садӗнче.

Шухӑ ӗмӗт чӗннӗ малалла,
Йӱҫӗ чӑнлӑх хуҫнӑ кӑмӑлне.
Ҫын ӗмри кӗске... Мӗн тумалла?
Мӗн кӗтет Раҫҫей ҫӑрне-шывне?
Сенкер вӑхӑт иртрӗ самантра,
Хуранти пек тустарать тӑман.
Кам ҫӱрет ҫӑрле, ҫил-тӑманра?
Э, Ульянов! Пач эп шутламан!..
...Вӑхӑт урапи, ай-хай, васкать!
Аҫта хутор йӑрӗ? Ҫук, ара.
Кӑра ҫил куллен лӑска-лӑска,
Ҫаралса юлайнӑ ват йӑмра.

ЗОЛОТО

В. Н. Назарьеву

Этот хутор создан на века,
И недаром люди говорят:
Если жизнь струится, как река,
Ей необходим зеленый сад.

Здесь хозяин, как отшельник, жил,
Погруженный в сельские труды,
Он своей свободой дорожил,
Он любил выращивать сады.

То надежда поднимала ввысь,
То железом сковывала грусть.
Торопила, шло шадила жизнь:
Кто спасет тебя, родная Русь?

Снова стужа — после синевы,
Снег бурлит, как молоко в котле.
Кто стучится в полночь? Это вы!
Ах, Ульянов, тесно на земле...

Ҷави юлнә хайярлә җырта...
Тахәш җул җаратнә хурахсем.
Сәмахлаҗҗе ваттисем ялта —
Ылтәнне шыранә, тет, вәсем.

Ку тараң пёччен унта ыртать...
Пёлеймен, мәнтарән, вәр-хурах —
Ылтән чунлә кәмәлө пуртан
Юлнә халәх асәнче җаплах!

Все надежды время унесло,
Вместо хутора — одна зола.
На песке — забытое весло,
Над рекой — погасшая ветла.

...Даже смертный сон нарушен был —
Золото разыскивал в гробу —
Осквернитель дорогих могил:
Честь и совесть не даны рабу,
Все перевернул — рассвет уже!
Тайны не успел понять шакал:
Золото покойник нес в душе
И богатым быть не перестал!

УЙРАЛУ ҶУТИ

Константин Иванова

ҶурҶёр иртнә тахҶанах,
Тәр-пёччен ларать поэт.
ПуҶаннә япалана
Ун паян вёҶлес килет.

•Лампа ывәннә Ҷунса,
Хәрәмланнә кёленчи.
Илнә чәрине Ҷулса
Силпири чаваш тёнчи.

...Пулчә! ВёҶё. Утәрья!
Питё шел саңа, Нарспи...
Сетнере те шел, ийя!
Мён тавас? Ҷапла шәпи.

Кур: шывланчёҶ куҶёсем,
Хай Ҷаплах ларать пёччен.
Хут Ҷинчи ыр геройсем,
Пичетре тёл пуличчен!

СВЕТ РАЗЛУКИ

(Константину Иванову)

(1908)

Тают трепетные свечи,
Но в душе не гаснет свет.
Хочет мысли в поздний вечер
Миру выплеснуть поэт.

Все свободнее и шире
Вдохновения полет.
Все доступно в этом мире,
Сильби смерть переживет!

Все, конец. Свершилось, Боже!
Очень жаль тебя, Нарспи,
И Сетнера жалко тоже...
Все! — грусти, иль не грусти.

И, сцепив устало руки,
Уронил слезу поэт
Над поэмой в час разлуки.
В добрый путь! Да будет свет!

ПРИСЛОНИХА

Аркадий Пластова

Сюжет е тѣс тупса картмашкӑн
Ҫич тӱпене эс ҫӗкленмен,
Ума тинкеререх пӑхсассӑн
Тѣс пехиленӗ тӑван ен.

Ял ҫыннипе каласнӑ варлӑн
Ҫӗр хут, пин хут та ӗмӗрте.
Ахах-мерчен тупма пултарнӑ
Ытти куҫсем курман ҫӗрте.

Ӗҫчен ӗтем-сухаҫ тухать-и
Ирпе-ирех тӑван хире —
Кайран вӑл — персонаж...
Қур, хатӗр, —
Илем кӱрет шап-шур пире.

Кӗтӱҫ ачи е ват хӗрарӑм,
Е пирӗшти пек сар пике —
Йӑлт палласа илме пултарӑн
Кӗҫ хирӗҫ пулнӑ сӑн-пите.

Умра лараҫҫӗ пӱрт е лаҫӑ,
Ҫӱреҫҫӗ пир ҫинчи ҫынсем...
Ӗҫӱ асамлӑ, ват ӑстаҫӑ, —
Шупкалмӗ ӗмӗрсем иртсен.

ПРИСЛОНИХА

(*Аркадию Пластову*)

Талант твой крепко был сколочен.
Ты край родной любил и знал,
Сюжет и краски для полотен
В далеких странах не искал.

В деревню русскую влюбленный,
Ты с нею горести делил,
Знал земляков всех поименно
И в вечность их переселил.

Ты ставил их с собою рядом
И в светлых помыслах был чист:
Глядит с холста спокойным взглядом
Усталый сельский тракторист.

Сметливый ум в глазах подпаска,
Соседка встала у крыльца...
Да разве будут блекнуть краски
Полотен доброго творца!

То сенокосный полдень тихий,
То март прозрачный у ворот.
И светлый образ Прислонихи,
Нам душу радуя, живет.

ЯЛ ХАВАЛЁ

* * *

Ялавър,
Ялавър,
Ялавър...

Ан тёлёнёр: пур ун пек ял!
Ўитетёп унта эп: сул — савър, —
Каллех илсе кёчё кәҗал.

Эп кусләх-асамҗа уртатәп
Санпа тёл пулсассән яман.
Тётре сирёлет те, куратәп, —
Иртни сывхарать унпәлан.

Куратәп: ыр-сывә аннеҗәм,
Унпа юнашар — кукамай.
Тўлеккён тәсать кивё җемё
Йёке пётёрсе ларнә май.

Татах тинкеретёп: илемлө!
Сасартәк куратәп: кив лаҗ!
Унта пёр ача-мён иленнө...
Ку хам-җке ара?
Вәт җапла!..

СЕЛЬСКИЕ МОТИВЫ

* * *

Ялавр...

Ялавр...

В волненье.

Зову, словно детство, село.

И памяти зрелой круженье

По времени вспять увело.

Сквозь линзу волшебную — ближе! —

Склонившись, смотрю, словно Бог,

И в прошлом отчетливо вижу

Распахнутый солнцу домок,

Стоящий на самом восходе.

Вот мама, заботой полна...

И бабушка песню заводит

Под музыку веретена.

Как полная чаша, домишко.

Здесь — пахнувший хлебом уют

И к бабке приникший мальчишка,

Вихрастый! — себя узнаю.

Умра кивё аслăк-хуралтă...
Хуралнă çĕрсе... Пултăрах.
Çĕрле унăн витĕр куратăп
Эп хамăн çап-çут çăлтăра.

Мана илĕртет чĕр çăлкуçĕ,
Чулпа калаçан çут сырма.
Ачалăх — çарран, çарапуçан,
Пĕлмест вулама та сырма.

Çырми унăн — Атăл е тинĕс,
Карапĕ — пĕр татак турпас.
Тĕнчемĕр хитре те тип-тикĕс,
Хаваслăх чуна шăнăçмасть.

Ачалăх çĕршывĕ — Ялавăр!
Курни те илтни — ёмĕре.
Ахаль-и вăркать аш вăр та вăр!
Йăшми ырату чĕрере.

Шарт! сикрĕ сасартăк йыш-халăх,
Вут хыпнă-мĕн Анăç енче.
Çав кун кĕç вĕçленчĕ ачалăх,
Çав кун муртакланчĕ тĕнче.

Ялавăр...

Ялавăр...

Ялавăр...

Ан тĕлĕнĕр: пур ун пек ял!
Çитетĕп унта эп: çул — çавăр, —
Каллех илсе килчĕ кăçал.

Как ночи светлы, безмятежны!
Наряженный месяц глядит
В окно. То печально, то нежно
Стихами со мной говорит.

Струятся веселые воды
По камушкам свет-родника.
Читаю я книгу природы,
Хоть книг не читаю пока.

А речка — как Волга, как море,
И щепка на ней — пароход.
Вот так же в стихийном просторе
Меня по судьбе понесет!

Идиллия детства — Ялавр!
Свидетелем будь, седина.
Всех близких одевшая в траур,
Село ослепила война,

Оно содрогнулось от боли,
Всем поровну: стар, или мал...
На детство мое голубое
Безжалостный беркут упал.

Ялавр... Такое селенье
Наверное, каждого ждет,
И памяти зрелой круженье
Сюда — приведет...

ЯЛ

Ял урамё. Шёкёр çурт та анкарти...
Маншан ку вай ял сеç мар... тёнче картти.

Кил-хуралта — хай патшалых тес пулать.
Килё-йышё халаха пёр тес парать.

Тёрлё кил пур, тёрлё çын кашни килре,—
Пёр çынни — кёрекерё, тепри — ёçре.

Пёри ятла, тепри асла тус-таван,
Ыррине аша хывса эс аставан.

Чурасне те, куштанне те шута ил,—
Çичё ют та пур ялта, пур таван кил.

Пысак мар та пирён ял: тёнче санне
Эп куратап тинкерсессён ун çине.

СЕЛО

Государством лежит на увале село:
Сколько судеб оно воедино сплело!

Деревенская улица — ровной строкой,
Огороды прорезаны чистой рекой.

Каждый дом, словно кладезь
народных примет,
И совсем не похож на соседа сосед.

Этот в пляске — орел, тот в работе — мастак,
Ну, а этот — лентяй и поспать не дурак!

Тот — душа, неразменная совесть сельчан,
Ну, а этот — чванлив, пустослов, грубиян.

Но не зла, а добра больше в нашем селе,
Потому и живем мы на этой земле!

СУРОВ

— Мён вӓл шатра?

— Усал куҫ чирӗ...

Ку чух пач ҫуккӓ вӓл, ачам.

Ана та курма тиврӗ пирӗн...

Сана калас-и?.. Тӓнласам...

Хӓрах куҫа-мён илнӗ шурӓ,—

Пӓхаҫҫӗ те куҫ уҫӓлсан.

Хӓхлет анне, курса:

— Ах, турӓ!..

Куҫу ҫырлачӗ-ҫке малтан.

Ырри те юнашар ҫӓренӗ:

«Куҫ врачӗ, Суров тухтӓр пур.

Вӓл сахал мар ҫынна сипленӗ,

Ун аллинчен хӓрать, тет, мур.»

Шур юр пек ҫӓҫлӗ те, сухалӗ

Ун, савӓл евӗр, шӓреке...

* Г. И. Суров — Чӗмпӗрте ӗҫлесе пураӓнӓ паллӓ офтальмолог медицина наукасен докторӗ (1871 — 1946 ҫҫ.).

СУРОВ*

Болезни — народные беды,
Забывших селений удел.
Однажды я сыну поведал,
Как оспою в детстве болел.

Тот год был такой невезучий!
Я помню его и сейчас:
Зловеще черною тучей
Бельмо наплывало на глаз.

«Ах, ягоды-глазки пропали...» —
Шептала и плакала мать.
На стенке часы куковали,
И жесткой казалась кровать.

«Недуг мальчугана изгложет! —
Соседи давали совет: —
Врач Суров... Он сыну поможет,
Вернет ему зренья и свет!»

* Г. И. Суров (1871—1946) — известный симбирский офтальмолог, доктор медицинских наук.

Куҫа хупсан куратӑп халӗ
Эп ҫав шап-шурӑ старике.

Мана канфетпеле сӑйларӗ
Хай ӗҫ-пуҫне пӗтернӗ кун.
— Маттур-ҫке! Йӑшӑлл! та тумарӗ...
Чуна ҫӗклет сӑмахӗ ун.

Ун чух ман чун та пулнӑ «суккӑр»,
Пӗлмен ахаль ҫын хаватне.
Ҫакна халь пӗлменни те ҫуккӑ —
Тухать йӑлт пӗр тымар патне.

Этем ӑс-хакӑлӗн ҫуначӗ
Асамҫӑ тунӑ Суровран.
Ҫав вӑй мана та ҫутӑ пачӗ,
Юп куртӑм ҫав асамҫӑран.

До города было не близко,
Дорога такая — хоть плачь!
Но все ж добрались до Симбирска,
Нас принял приветливо врач.

Бородка подстрижена клином,
На ровных висках — серебро,
«А ну, покажите-ка сына!»
Взглянул и промолвил: «Добро».

Для смелости дал мне конфету:
«Скорей выздоравливай, брат!»
И вылечил. Светлое лето
Ко мне возвратилось назад.

ВАТА ЙАМРА

Қаҫ карчѐ чаршавне мӑн йӑлӑмра.
Ъӑл тӑпере ҫут ҫӑлтӑрсем ҫунаҫҫѐ.
Қанать, ҫыврать кӑшт тайӑлнӑ йӑмра,
Ун айӑнче яш-кӑрӑмсем выляҫҫѐ.

Еҫ хыҫҫӑн лӑпкӑ, савӑк каҫсенче
Қунта аван-ҫке вӑйӑ вылямашкӑн,
Йӑмра айне сӑвеннӑ сак ҫинче
Чун савнипе сӑпайлӑн калаҫмашкӑн.

Ҫӑр ҫул та, тен, ларать ҫак ват йӑмра.
Ҫавах хитре, ҫавах кӑтра туратлӑ.
Мӑн чул, мӑн чул-ши каччӑ-хӑр чунран
Ун айӑнче пӑрне-пӑри юратнӑ?

Эп те хӑре юратрӑм ҫакӑнта...
Хальччен чӑре нихҫан савса курманчӑ.
Лаштра йӑмра хумханчӑ те пӑртак —
Ашра асамлӑ туйӑмсем вӑранчӑҫ.

Пӑхсам, пӑхсам: йӑмраллӑ ял ҫинче
Ҫут ҫӑлтӑрсем ялтӑртатса ҫунаҫҫѐ.
Ахальтен мар сӑнми телей ҫинчен
Яш-кӑрӑмсем хавасланса юрлаҫҫѐ.

СТАРАЯ ВЕТЛА

Повеселеет старая ветла,
Как только звезды дальние зажгутся.
В весенний вечер со всего села
Здесь девушки и парни соберутся.

Здесь под гармонь затеют пляс лихой
И погрустят немного под гитару.
А на скамье, под старую ветлой,
Уединится молодая пара.

Вся зеленеет старая ветла,
Хоть и стоит, наверное, столетье.
Она когда-то так же вот светла
И тех, чьи ныне подрастают дети.

Моя любовь и до сих пор светла,
Она меня вела и вдохновляла.
Быть может, потому, что мне ветла
Впервые эти чувства нашептала.

Сильнее звезд на улицах села
Горят огни, не гаснут и в ненастье.
Всему дивится старая ветла
И, дремля, песни слушает про счастье.

ШУРСУХАЛ

Шурсухал — йӳнӳшман синоптик.
Мӳн калать вӳл? Тӳхта, итле:
Таврана талпиҫен сырӳнать-тӳк,
Хӳл — хаяр, шартлама килет.

Вӳлтӳренӳн сип-симӳс ҫарӳ
Тухайсассӳн ҫырма-ҫатрана,
Хаярскер, ҫемҫелме те пултарӳ,—
Пӳр чӳрчун та ун чух аптрамасть.

Кил-ҫурта ҫӳрапа питӳрмеҫҫӳ
Ман ялта. Пур «ҫӳри». Вӳл — пускил.
Чи пахи — ҫыннӳн ӳсӳ те ӳҫӳ.
Ҫунат сартӳн?

ӳсатӳҫ:
— Пехил!..

Аякра ҫӳресе ывӳнсассӳн,
Таврӳнсассӳн яла, терт тӳссе,
Кӳтсе илӳ ял-йышӳм хавассӳн,—
Вӳл тӳмасть ютшӳнса та писсе.

ӳс чунна ял-йышран пытараймӳн,
Курса тӳрӳ вӳл витӳр, сӳна.
— Кам ачи? Кам таврашӳ?
— Ку — ҫавӳн!..
Хуравлаҫҫӳ тӳп-тӳрӳс сана.

ШУРСУХАЛ*

Шурсухал — синоптик неплохой,
Он в селе — и справочник, и гид.
Если кружат птицы над ольхой,
«Завтра дождик будет», — говорит.

Коль крапивы появилась тьма,
Шурсухал предскажет наперед:
«Нынче будет мягкая зима!»
Люди верят: сводка не соврет!

Улетай, расправив два крыла —
Ты уже не юный стригунок.
Да родного не забудь села,
Здесь все помнят о тебе, сынок!

Если же бродягой, блудный сын,
После странствий ступишь на порог,
От упреков горестных остынь,
Счастье и тебя коснется в срок!

Собственной души ты не узнал?
Весь открыт — навету и беде?
Приходи! Провидец-шурсухал
Всю расскажет правду о тебе!

* Шурсухал — почтенный старец, дословно: старик с белой бородой.

АКА УЙАХЁ

Ашътсах пырать-ха кун.
Юр курайман уй-хирте.
Выртасси кышт юлчё ун
Варсенче, улах сёрте.

Юрё сук та-ха, чанах,
Акана тухмашкан ир.
Ыйхаран анчах кана
Каранса вэранчё хир.

Канас сукка сёр сыннин,
Тёрёслет уй таприне.
Калыхах аппаланни —
Кётмелле кышт. Ну, мёнех?

Ахаль мар хёрў хёвел
Пёлётпе хуплать питне.
Пытарса хурать хёве
Пархатарла ашшине.

Сёрпе пёлёт хушшинче
Йалтар хёлёх каранать —

АПРЕЛЬ

В поле снега не увидишь —
Со всех ног ручей бежит...
А в овраг к ложбинкам выйдешь —
Без забот зима лежит.

Поле в траур разделось —
Сожалеет о весне.
Вот немного разогрелось,
Разморилось, как во сне...

Пахарь — в поле до заката.
Ком земли в ладони мнет.
Знает, сеять рановато,
Торопливо срока ждет.

Ветви вербы растрепались,
Умываются росой.
Нити солнца растерялись
Между тучей и землей.

Солнце яркое закрылось,
Словно девушка, рукой.

Тин хайхи сурхи тѣнче
Саванать те тасалать.

Ашă сумăр шеп кăна
Туртать пек ыр кăмăлпа
Кѣрхи ешѣл калчана
Хѣлѣх синсѣш алăпа.

...Все же поле прояснилось,
Освежилось ветерком.

Скоро гром над полем грянет,
Хлынет ливнем над рекой,
Солнце за вихры потянет
Всходы нежною рукой.

КОНОВАЛОВ САЧЁ

Чёмпёр витёр тухсан — Синкёл хули.
Атъл юхса выртать сыран тулли.
Ҷилпе кашлаҶҶё йываҶсем умра.
Мёнле сәмах хушасшән ват йәмра?
Пурәнать-Ҷке чәвашах ку енче.
Кур: Анатьял, Ялавәр, Уличе...
Сәрт айккипе вәрман пек туләх сад.
Турачё ҶимёҶне епле чәтать?
Килсе курманччё эпё ку тэле.
Қалать йәмра — чи ватә кўнтеле:
— Ку ен авалтанпах садпа пуян,
Унра эс халәх хавалне туян.
Эп аставатәп урәх вәхәта,—
Унта-кунта ларатчё тунката.
Ытла та йывәр килчё халәха,
Ача-пәча юлатчё тәләха.
Чуна витерчё шартлама хёлле —
УлмуҶҶисен мёнле-ши тўсмелле?
Фронтри салтак пек касәлчёҶ вёсем —

САД КОНОВАЛОВА

Где чубы седые Жигулей,
Встал над Волгой тихий Сенгилей.
Золотая осень. Даль светла.
Чуть шумит знакомая ветла.
Три селенья — я-то их узнал! —
Уличе, Ялавр, Анатьял.
А на склоне — яблоневый сад,
Яблоки от тяжести гудят.
Почему земля так расцвела?
Вот что мне поведала ветла:
— Край трудом и мудростью богат,
Нрав народа отражает сад.
Помню я лихие времена,
Каждый дом окликнула война:
«Люди, отворяйте ворота!»
Плакал в каждом доме сирота.
В довершенье (мало той беды!)
Сжег мороз над Волгою сады.
Долго рана заживала та,
Долго отступала немота.
...В Уличе жил старый дед больной
Со своею доброю женой.

Улмуҫҫисем, чие йывăҫҫисем.
Тёнче йансан Уличери ватти —
Куҫ умёнчех мучи кулли, утти —
Хай карчакне ертсе ҫула тухать,
Ҫён сад чётме хунав тавраш пухать.
...Паян кунта каллех ем-ешёл сад.
Ял-йыш хавхаланса улма пухать.
Кунта, садрах, пёчченҫё тёмеске,
Ун айёнче пахчаҫа ўчё-ҫке...
Ана ял-йыш ҫава ҫине леҫмен,
Садрах канайтёр, тенё, ҫын-ёҫчен.
«Иван Михалччя Коновалов сачё»,—
Хай председатель тухрё — паллаштарчё.

Рассудили оба: надо жить,
Людам сад померзший возродить.
И сегодня, всем плоды даря,
Яблони пылают, как заря.
Видишь там, где торный путь пролег,
Весь в гвоздиках красный бугорок?
Здесь лежит творец и садовод,
Не забыл трудов его народ.
Имя саду он на славу дал:
Садом Коновалова назвал.

ВАХАТ ЧУППИ

ХУРА ХЁЛ

Снег выпал только в январе...

А. Пушкин

Хура кёр, тет чаваш, хура кёр...
Каламашкән ансат пёрёпёр.

Хура хёл, хура хёл, хура хёл...
Ҙаврәнмасть-Ҙке чёлхем, Ҙавна пёл!

Йәнәшмарәм... Вәл килчә Ҙав хёл,
Эп пулманччә хальччен тёлме-тёл.

Килчә Ҙитрә Ҙән Ҙул черетпе,
Ҙенә Ҙул... хуп-хура кёрёкпе.

Ун алсишә, туйи — хуп-хура,
Шәннә Ҙёр те тәпра таврара.

Ҙил вёрет те — тусан пит-куҘра,
Тем Ҙитмест-Ҙке, Ҙунать ман әшра.

Кёмёл пас тытнә пур йываҘа,—
Хевти пур, хёл Ҙавах та — хуҘа.

Сивё мар шурә юр та пире,
Хура Ҙил чёрене витерет.

БЕГ ВРЕМЕНИ

ЧЕРНАЯ ЗИМА

*Снег выпал только в январе.
А. С. Пушкин*

Черные дороги, улицы в грязи —
Осень чернотой вряд ли поразит.
Черная окрестность, черные дома...
Страшно и подумать — черная зима.
Черная впервые — отняла покой.
Не видал я прежде черноты такой.
Вовремя спустился к людям Новый год,
Но не в белой шубе — а наоборот.
В черных рукавицах, посохом пыля,
Дед Мороз приходит — черная земля.
Ветер хлещет пылью, словно дробью влет,
Боль наполнит сердце, душу обовьет.
Зимний холод, стужа, иней по утрам.
Только снега нету — в поле, по дворам.
Ледяной, колючий — он душе милей,
Чем угрюмый ветер с дремлющих полей.
Что чертополоху? Выживет, поди!
За родную озимь боязно в груди.

Вѣлтѣрен те, пиҫен те тўсет —
Килес ҫул шакърах въл ўсет.

Чи пахи аманать сив ҫилпе,—
Улмуҫси аванать пѣвѣпе.

Тѣршѣнет ҫѣр ҫумне кѣр калчи.
Въл — хўтлевсѣр, пин пѣрчѣ ачи.

Ма ҫумасть, мамак пек, шурӑ юр?..
Вӑхӑт хӑй те шумасть тейӣен, мур.

Йѣркерен тайӑлни — чирлени,
Кирлѣ-мѣн ҫил-таман кѣрлени.

Чир тамалѣ, кѣтер татах, чим,
Тин сӑн илѣ хуҫа — Хѣл мучи.

Ҫавӑрттарѣ шап-шур тѣнчене,
Ҫавӑнтарѣ ѣҫчен ҫынсене.

Халлѣхе урамра — хура хѣл,
Пит-куҫа витерет юр мар, кѣл.

Будущие зерна, яблони плоды —
Им всегда труднее от любой беды.
И, когда не в силах человек помочь,
Он за них в тревоге будет день и ночь.
Что ж ты не приходишь, снежная зима —
Или оскудели неба закрома?
Или тучи сбились с верного пути —
И на нас не могут снегом изойти?
Все равно я верю: грянет снегопад,
Дед Мороз наденет белый свой наряд.
И пройдет над степью с лаской и добром,
Одаряя нивы белым серебром.
...А пока все та же странная зима —
Пыль швыряет ветер в черные дома...

КĔРХИ САНСЕМ

Аслă кĕр хуҫаланать-ха. Кĕҫĕн
Шăллĕ — хĕл пур, ҫывăрать куллен.
Кайăксем вĕҫеҫҫĕ вĕҫе-вĕҫĕн,
Вĕсене чĕнет халь кăнтăр ен.

Татăлать те вĕлтĕр-вĕлтĕр ҫулҫă,
Ҫил аҫта хушать — вĕҫет унта...
Емĕрлĕх асанчĕ. Ёнтĕ юлчĕ
Ҫап-ҫара вăл ларнă выранта.

Ҫумăрпа исленнĕ йывăҫ сулчĕ
Кўтнĕ, хăр-туратлă аллипе.
Тăкрĕ ҫут тумла вăл, йывăр пулчĕ
Ҫулҫă-ачине асатнипе.

Ан йĕр, улмуҫҫийĕм, вăхăт иртĕ,
Ҫитĕ ҫенĕрен ыр ҫуркунне.
Ыйхăран вăратĕ, парĕ витĕм,
Кĕт парнеллĕ капăр ҫĕн тумне.

Ҫулҫă-ачусем йышланчĕҫ хăвăрт,
Шĕпĕлтетрĕҫ лăпкăн кунсерен.

ОСЕННИЕ МОТИВЫ

Посмотри — уж осень во дворе,
Закружились птицы шумной стаей,
Появился иней на заре,
И ледок подолгу не растает.

Листья пожелтевшие летят
В сторону, куда несет их ветер,
И внезапно опустевший сад
Непривычно благостен и светел.

Значит, снова кончились труды
У деревьев, что с тяжелых веток
Добрым людям отдали плоды,
Словно горячо любимых деток.

И, как будто ближе ставши нам,
Все грустят, морозы поджидая...
Дождь холодный хлещет по ветвям,
Как слезами, землю осыпая.

Не печалься, яблонька моя,
Не тоскуй, кормилица родная!

Паян ҫеҫ тўпе кичем те ӗмӗр,
Ҫитӗ вӑхӑт, хунӑн ҫенӗрен.

Ҫулӗ те, ҫулҫи те пулӗ ҫенӗ,
Малтанхи иртнишӗн ан кулян.
Ҫӗр-анне чул мар-ҫке, пур ун тӗнӗл —
Хӑтлӑхӗ ун иксӗлми пуян.

Прилетит тепло в твои края,
Ты поверь, я это точно знаю.

Дружно грянет новая весна,
Зазвенит капель в грачином гаме.
Ты опять воспрянешь ото сна,
Радостно покроешься цветами...

* * *

Ни кёр çентереймест, ни хёл...
Сар çулçă вёçкелет вёл-вёл!

Мён чухлэ тăкрё ылтăнне
Пуян кёр, тытрё йăлине.

Шух купса евёр укçапа
Мăнаçлăн халăха сапать.

Çўлтен юхсах тăрать ара...
Çўпси юлать те çап-çара.

Перет çёре пăхăрёпе,—
Қаллех мухтанçăк йăлипе.

Сапсах тăрать çўлтен тўпе
Йёпхў е çумăр пёрчипе.

Çара ладра — тăпра чусту —
Халь çилёмле тытать чисти.

* * *

Уже не осень, но и не зима...
Последних желтых листьев кутерьма.

А осень в этот раз была щедра
И не жалела для людей добра.

Вовсю сорила золотом она —
Но вскоре оказалась им бедна.

Едва ль от пышных крон осталась треть,
И сыплется не золото, а медь...

Последний ворох листьев улетит,
Холодный дождь по ним зашелестит...

Уже давно, не грея, не пыля,
Становится тяжелою земля.

Набухла почва, вязкая, как клей,
В ней ноги утопают все сильнеей.

К себе все крепче тянет каждый час,
Как бы на прочность проверяя нас.

Ура ярса пусмассерен
Атта туртатъ вӓл ҫенӗрен.

Пахалӓхне-и тӗрӗслет,
«Алли ӓста-и ҫыннӓн?» — тет.

Ял ҫыннисен тухатъ тинки:
Хакла лармасть-и кӗр тенки?

Кусмасть ҫул ҫийӗн урапа,—
Турттар-ха улӓм е арпа?

Машшин таврашӗ чӓхӓмлатъ,—
Ача-пӓча ҫеҫ чӓтӓмлӓ.

Ял ҫумӗнчи хура лапра
Вӓл савӓнса ҫӓратъ лапра.

Кӗтет-мӗн кӓвакал е хур,
Шутлатъ:
«Хӓҫан ҫӓватъ-ши юр?»

Но нелегко обходится в селе
Уменье по такой ступать земле.

Давно солома сметена в стога —
Она сейчас особо дорога.

Но ты ее попробуй привези,
Когда ступицы плавают в грязи.

Шуруй лопатой, иль толкай плечом —
Все этой прорве нынче нипочем.

Едва плетется трактор, неуклюж,
Лишь ребятишки возятся у луж.

Пасут озябших маленьких утят
И снег увидеть первыми хотят...

* * *

*Ҷака ҶулҶи Ҷаврака —
Мён каласа Ҷырнә-ши?..
(Халӑх юрринчен)*

Ларать пурт умёнче кичеммён
Ҷап-Ҷамрак та пёччен Ҷака.
Хута чухлать-мён — йывӑҶ темён! —
Тухать черетлӑ отпуска.

Хёл-пуҶлӑха ыйтса та Ҷырнӑ
Ҷап-Ҷаврака ҶулҶи Ҷине.
Ҷил хӑй Ҷӑпатине те сырнӑ —
ЛеҶмешкён хатӑр Ҷырнине.

Ҷыру-ҶулҶа татса чуптарчӑ,
Хӑй пычӑ тем вӑрҶа-вӑрҶа.
Ал пустарма васкарӑ тарҶӑ,—
Кётме шутламӑ Хёл-хуҶа.

* * *

*У липы листья круглые —
И что ж на них написано?..*
(Из чувашской народной песни)

Вот липа юная у дома
Стоит задумчиво одна...
Каким желанием влекома,
Какой надеждою сильна?

Ужель на отпуск заявленье
Напишет на листах своих
И с ветра сильным дуновеньем
Самой Зиме отправит их?

Зима ж в серебряном наряде
Небрежно явит благодать:
И подмахнет листы, не глядя,
И не заставит липу ждать.

ЏУЛСЕМ

Џулсем аякка тӑсӑлаҫҫӑ,
Инҫет илӑртет ачаран.
Џулсем сукмакран пуҫланаҫҫӑ,
Џуралнӑ ялран-хуларан.
Џумрах аслӑ ҫул та иртет-мӑн,
Чӑнет вӑл сана малалла.
Васканӑ чух лав та эс кӑтмӑн,
Утатӑн ҫуран — каймалла!
Ача чух нумай эп ҫӑренӑ
Виҫсе тӑван ҫӑр талккишне.
Тусанлӑ ҫула-и йӑрленӑ,
Е ҫӑрнӑ лапра хӑш чухне.
Џуна урапа тӑл пулсассӑн
Эп пынӑ ларса ӑнсӑртран;
Е ҫилӑ вӑрет кассӑн-кассӑн,
Е юрӑ перет пит-куҫран.
Пыратӑн... Илтетӑн кӑҫ юрӑ
Шӑнса вилнӑ ямшӑк ҫинчен.
Тухаймӑ ҫула та вӑл ураҫ —
Инкекӑ нумай ку тӑнчен.
Автобус ҫинчен кӑҫ эп илтнӑ,
Малтан курайман та ларса...

ДОРОГИ

Дороги идут из глубинки
Безоблачных детских годов.
И всюду в начале — тропинки,
Что выются от сел, городов.
Большак — за околицей, рядом,
Пылит за последним стожком,
И лошади даже не надо,
Захочешь — дойдешь и пешком.
Да, я исходил вас немало —
Степные проселки, луга,
Когда и метель бущевала,
И озимь скрывали снега.
И ливнем свирепым хлестало,
И ветер следы заметал...
Порою извозчик бывалый
В дороге меня подбирал.
Поедем... И вспомним, как друга,
Того, кто в степи замерзал,
И та же ямщицкая вьюга
Швырнет нам снежинки в глаза...
И после, в сумятице странствий,
Нигде не спрямлял я маршрут.

Анчах манан ёмётём җитнӗ,—
Җўрерём тусан тустарса.
Ку чух эпӗ унсӑр тухмастӑп
Инҗе-и е җывӑх җула...
Тек чӑрсӑр җиле ӑмсанмастӑп,
Қайсан хулана е яла.
Этем җуралать аслӑ җулшӑн,—
Ку паллӑ мана халь йӑлтах.
Ан тив, тӗнче, чӗрӗл те улшӑн!
Эс ху та яланах җулта.

...Сближая любые пространства,
Машины на трассах ревут.
Они меня мчат по планете,
Но, память о прошлом храня,
Беру я в попутчики ветер,
А песня — в груди у меня.
И снова — дороги круженье,
Так много нам надо пройти!
И все мирозданье в движеньи,
И мир оживает в пути.

ЫЛТАН ТЕНЕРЕН

Ылтaншaн пeрнe-пeри сaрaтнa
Сын авал, укса чури чухнех.
Вилeмрeн тe тeпринe вaрaтнa
Ухтaрмa пырcaccaн сaвинe.

Курнa шар Рaссeй купси кaнa-и,
Тyснe фaрaон тa, тeссe, шар.
Ахaль сын мeскeр? Вилсeн aнa-и?..
Кун пирки пачах тa шарлaс мaр.

Мeн вaррa вaл ахaль сын? Ку — юрe,
Пeр-пeрнe тe, тeссe, тиркeмeн.
Ылтaншaн aнни — ухмaх тeмeрeн —
Михe пaнa... Тек сeклeнeймeн.

Ылтaнпa ку чух сын пытaрмaссe,
Ылтaн хaлe — пирeн eссeнчe.
Пур сынсeм... унрaн тa-мeн тaрмaссe,
Ылтaн eс — вьртaть чун тeпeнчe.

Сaнпa эпeр oптимист сaвaх тa.
Фaрaон сeс мaр, тeлeйлeрeх.
Ылтaнa сaмaнтлaх сухaтcан тa,
Кaяллa илeтпeр чипeрeх.

О ЗОЛОТЕ

Ремеслом прибыточным и древним
Был разбой открытый на земле.
И плясало пламя над деревней,
И лежали пажити в золе.

Не хватало сердца у Фемиды —
Челобитные со всех сторон!
Даже под охраной пирамиды
Был ограблен мертвый фараон.

Мародеру золото дороже
Жизни... выползти на свет не смог —
Он упал (сон мертвых потревожил!)
Замертво на золота мешок.

Опьяненный драгоценным звоном —
Сабля у лазутчика остра! —
Вор второй во сне умолк со стоном
В полночь у погасшего костра.

Все же бескорыстие откроет
Все сердца... Я знаю, не сейчас
Золото забудет отблеск крови,
И тогда оно возвысит нас.

* * *

Вӑл тӗнчене килсе Чуманлӑха кискретнӗ,
Ачаш хӗлӗхпеле чул чӗрене тӗпретнӗ.
Кӑларнӑ тӑвӑл йышлӑ керменре,—
Чӗтренӗ сӗпӗ-сапӗ чаплӑ генирен.
Кур: кардинал тавраш сӗлли килнипелен
Сав генийӗн чунне сӗнет-сӗке кӗвелле.
Астунӑ Сӗр-анне миҫе-ши ӑстрӑм...
Никола Паганини сӗн-маэстро
Вилсесӗн те Сӗр йышӑнман-мӗн... Кӑлӑх
Ӱкӗтлени те... Тус-тӑванӗ тӑлӑх.
Чиркӗ чуманлӑхӗ ӑна пач каҫарман...
Тӗнче сав кунтанпа-и улшӑнман?
Чуманлӑх тӗл пулать-ха хушӑран ыр-сывӑ,—
Ни скрипка янрамасть вӑл пур сӗрте, ни сӑвӑ.
Ана эс ирӗк пар кӑна: касать вӑл сан пуҫна:
Ана шуйттан хӑй пуҫана, хурах — йысна.
Тинех, ак, ситрӗ вӑхӑт: пӗт, Чуманлӑх!
Сулна пӗлет халь санӑнне вӑй илнӗ халӑх.
Усал-тӗсел сӗухалтӑр сӗтӑ тӗнчерен,
Сӗтаттӑр шанчӑк сӗлтӑрӗ сӗич тӗперен.

* * *

В этом мире тот и жив поныне,
Кто раздвинул времени предел.
Позабыты те, кто Паганини
Дать приют в земле не захотел.

Он творил. Рукоплескали залы.
Бешено пульсировал висок.
Наливались злобой кардиналы —
Гений был свободен и высок!

Мир изменчив — он текучий, зыбкий,
Зло проснулось — и талант затих:
Там, где глупость, — умолкают скрипки,
Там, где чванство, — умирает стих.

Властолюбец просто так не сгинет:
Волю дай — и подомнет народ,
Отлучит от скрипки Паганини,
Сто талантов походя затрет.

Настигает царская немилость —
Как былинка, гибнет человек.
Скрипка Паганини... ты пробилась
Неслучайно — в наш враждебный век?

ВАХАТ ЧУППИ

— Ыўўў шурална, — теҫҫё пёлёшсем,
Асилтерсе кун-сулән тәршшёнә.
Ыйтасчё ҫеҫ: пёлесҫё-ши вёсем
ҫын кун-сулне ҫулпа виҫменнине?

Варта чухнех иккен этем иртет
Тәхәмёсен асаплә ҫул-йёрне.
Миллионшар ҫула хёссе кёртет
Питех те шутлә кун-эрнесене.

Кун-суләм манән тўсрө ҫавнашкал
Атте-анне, асаттесен ҫулне.
Вёсем туртман ҫәп-ҫәмәл ҫунашка,
Тиенё лав ҫине асап чулне.

Халь пирён кашни клетка, кашни нерв,
Сисет инҫе е ҫывах вәхәта.
...Ман ҫамрәк пуҫәм ҫыраччё ёнер —
Паян юр пёрчисем чылай унта.

БЕГ ВРЕМЕНИ

— Ты поседел, — друзья мне говорят,
Напоминая жизни быстрый бег,
Но эту жизнь — она, как вечный сад —
Годами не измерит человек.

Мы, в материнском чреве находясь,
Далеких предков повторяем путь,
Века, спресованные в сотни раз,
Не в силах на мгновение вернуть.

Ушедших предков на исходе дня
Наследник в этом мире я один.
Их путь нелегкий — трудная лыжня
Среди лихих столетий и годин.

Недаром нервы так обнажены,
Так чувствуют они секунды бег!
Каштановые волосы весны
Мне на висках уже присыпал снег.

АЛА ПАНИ

ТАВАН ЧЁЛХЕ

Пёлетёп-ха, авал сана хаварнă
Таван тавралăхра та манăҫа.
Ҫапах юлма пултарнă эс каварлă,
Сана мансассан ҫаптар-и аҫа!

Ху халăхна эс сывлăш пекех кирлĕ.
Патша тарҫи-тĕрҫи ăна хăртсан,
Шăпах эс пирĕн хута кĕнĕ вирлĕн,
Чыса та, тивĕҫе те палăртса.

Хай Яковлев ырмасар хатĕрленĕ
Сана валли кĕпе. Ку — саспалли.
Хурсассан сăпкана савса сиктернĕ
Талантлă Иванов поэт алли.

Чёлхе вăл — халăхан тĕрекĕпе илемĕ,
Сана мухтанă Ҫеҫпĕл ахаль мар.
Чёлхе сыв чух этем юта кĕленмĕ,
Унпа пĕрле чух кăмăлăм — кавар.

Ман сассам уҫҫан янăрать, вай илчĕ
Таван чёлхе тĕрекĕ пуррипе.
Чёлхеҫĕм манан космосра та пулчĕ,
Туслашнă майан вырăс чёлхипе.

РУКОПОЖАТИЕ

РОДНОЙ ЯЗЫК

Я знаю, было прошлое непросто,
В родном краю в забвении ты жил,
Душа моя покрылась бы коростой,
Когда б родной язык я позабыл!

Как воздух, ты народу свят и нужен.
Когда его чиновник унижал,
Он был для нас опорой и оружием,
Достоинство он наше уважал.

И алфавит — удобная одежда
Для языка — был Яковлевым сшит,
А Иванов, вселяя в нас надежду,
Его растил. И он теперь звучит!

Моя опора в годы испытаний,
Тебя восславил праведный Сеспель.
Ты — наша мудрость, кладезь наших знаний,
Моей судьбы развилыстый апрель!

Нет, голос мой от горя не простужен,
С ущербностью язык мой не знаком.
Язык мой был и в космосе... Он нужен.
Он подружился с русским языком.

АЛА ПАНИ

Тёл пулатан та мана ирпе,
Ал паратан... Ку — йала кирте.

— Мёнле сывлаху? Мён сёмёрен?..
Йалт пелес килет иксёмёрён.

Шакъл-шакъл... Калан шыв юххи..
Мёскер пур унран пахараххи?

Сём авал... Сын астумасть айна,
Пулна въл ман ача пек кйна.

Пуплеме пёлмен те усамля,
Ларна ўплере чёрчун санля.

Малатук хайраня, тытна чул.
Ют сына курсан — ал тасна пул!

Леш те сарна аля тупанне:
«Эп те хурах мар, ак, кур манне...»

Ака, халь те ал тасса эфир
Чёререн калатпар: «Пултар мир!»

Пар, этемлех, сиреп аллуна —
Лайка, тикес татяр самана!»

РУКОПОЖАТИЕ

Вертится извечной жизни круг:
Руку подает при встрече друг.

— Как здоровье? Как идут дела?
Жизнь обычай этот сберегла.

И людская мудрость говорит:
Подал руку — ты душой открыт!

...Было так: еще в пещерный век
Встретил человека человек.

И раскрыл один из них ладонь:
— Камня нет! И ты меня не тронь!

А другой ответил: —

Я нё враг!

И разжал увесистый кулак.

И отвел смертельную беду

У людского рода на виду.

Жив обычай и в нейтронный век,
Жив рукопожатьем человек.

Доброта, зажги в сердцах огонь!
Шар земной, раскрой свою ладонь!

ИНККЕ

Сәмах әсти ман халәх... Хушамат та
Ҷавәнпала тәрли пулать иккен.
Тәл пулчә урамра мана пәр ватә,
Хай евәр хушамачә ун — ИНККЕ.

Шур сўслә. Вәхәт ун сўснә лектернә
Мелкипелә. Халь савәнпа чәпар.
Питнә уннә пәркелесә пәтернә,
Иртес сұлнә те пўлнә пәрре мар.

Питнә-куснә шуранка тәс кәртсен те,
Чуннә тәм тәкәнмен, тәләнмеллә!
Сапла сав Вәхәт...
Вучәпә те әнтә,
Е такама та шәнтә сив хәллә.

Альук аппа әна-кәна та тўснә,
Ҷавәнпала шупкалнә вәл сәнран.
Каланә упәшки, чунпа йәлт сиснән:
— Сәршыв — вутра...
Уйрәлмалла санран...

ИНККЕ

Народ — творец и языка, и духа...
Однажды, от села невдалеке,
Я повстречал степенную старуху
С фамилией старинною — Инкке.

Она лишений вынесла немало —
Лежит печаль на дне усталых глаз —
О, сколько раз от горя умирала
И возрождалась к счастью сколько раз!

Ей лихолетье подточило тело,
Отметило и стужей, и огнем,
Но душу пылкую не одолело,
Не заковало молчаливым льдом.

Пока душа не распростилась с плотью,
Мы все полны житейской суеты.
Поведай о судьбе своей, Авдотья!
Сначала мужа проводила ты?

И первенец избу покинул вскоре,
В том разве — материнская вина?

Ун хысҕан, акӑ, ывӑлне ят тухнӑ,
Ана ӑсатнӑ амӑш Анӑҕа.
Вӑл маннӑ ыйхине те, ҕуннӑ-хухнӑ,
Яланлӑха ҕухатнӑ канӑҕа.

Куратап эпӗ ывӑлне те халӗ,
Ӑнтӗ палланӑ тейӗн пӗр-пӗрне...
Вунсаккӑрти сержант. Ҙап-ҕут медалӗ
Илемлетет ун анлӑ кӑкӑрне.

— Ҙентерӗве курма самант ҕитмерӗ...
Киле-мӗн кин кӗртме пӑрман телей —
Пӗртен-пӗр ывӑлчӗ вӑл манӑн,— терӗ
Сайра ҕеҕ хушаматлӑ кинемей.—

Хӗрсем ӑссе тӑват енне саланчӗҕ,
Кӗҕ хам вилсесӗн пӗтӗ хушамат...
Ҙакна илтесӗн манӑн куҕ шывланчӗ,
Чуна хытараймарӑм ҕав самант.

Ун сӑн-питне ыттисенче куратап,
Ун ӗмӗчӗ ҕиҕет яш-кӗрӗмре.
Эппин, пӗтмен пӗртен-пӗр хушамат та.
Иышпа пӗрле кӗрет ҕӗн ӗмӗре.

...Тем тӗрлӗ хушамат та пур, шӑпа та...
Хуйхи пит пысӑк ҕак ентеш-инкен.
Ман хӑлхара ялан, ҕаплах туятӑп,
Тупа пек янӑрать:
«ИНККЕ! ИНККЕ!»

Как океан, вокруг штормило горе,
Не оставляла выбора война.

Я увидел Авдотьиного сына —
Запечатлел фотограф ясный взгляд.
Инкке сражен на улицах Берлина,
Сержант безусый, молодой солдат.

Пяти деньков не дожил до Победы,
Блестит медаль у парня на груди.
Он был один у матери... об этом
Расспросами ее не береди!

Она о сыне днем и ночью грезит,
Надеждой неизбежною полна.
Умрет сама — фамилия исчезнет.
Как будто и на мне лежит вина...

Ведь пуля и фамилию убила.
Стоит Авдотья в траурном платке.
Подумайте, а что бы с нами было,
Когда бы в бой не ринулся Инкке?!

...Соседский парень, синеглазый, русский,
По улице Авдотьиной идет.
Он, как сержант, высокий и безусый.
Так значит, и фамилия — живет.

ШУПАШКАР

Ҷитетёп час, кётсе кән лар эсё,
Ман ёмётри таванам, Шупашкар!
Кёрхи уйсен чәпар та ылтән тессё
Юлать ик енёпе те йәр та яр!

Тавраләха савса тинкернё сёмён,
Каварланатәп чөрери хёмпе.
Хула хёрри сұлтан-сұл сарәлать-мён
Кәмпа карти пек шур керменсемпе.

Пур тинёслё хула, Венеци теҗсё...
Эс ун сәнне те илтён-сҗке, ара!
Сенкер тўпе те сұтә тинёс тёсё —
Сён самана сәнарё санәра.

Шәлать ёмёрсене истори сҗилё,
Вёссе юлаҗсё таләксем, сұлсем...
Сён ёмёрсем ситсен пире асилёҗ:
«Аста, мёскер ёсленё тәхәмсем?»

Пире иртнишён пачах пулмё намас,—
Эпир йәлт пурнаҗланә тивёсё.
Пулас ёмёрсенче хёмленес сук әс
Таваймасассән паянхи ёсё.

ЧЕБОКСАРЫ

Знаю, я совсем еще не старьй,
Только ведь расслабиться нельзя,
Соберусь, поеду в Чебоксары —
Зазывают старые друзья.

Раньше добирался к ним я сутки,
А теперь — дорога, словно стол:
Сел в «Икарус» — шутки, прибаутки,
Час-другой, и город подошел.

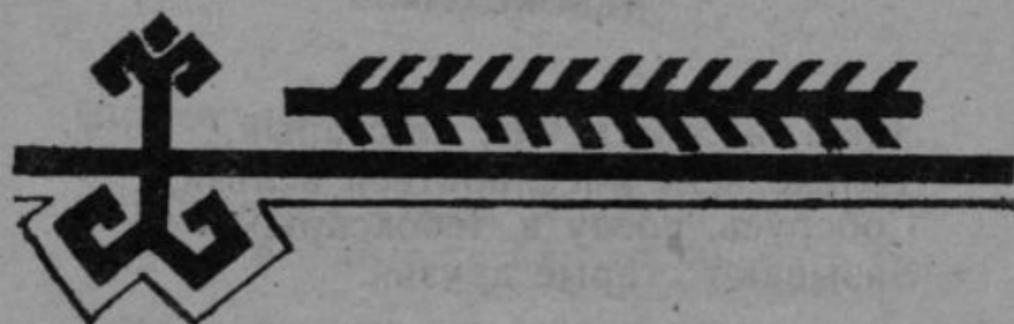
Шубашкар*, стоишь ты меж полями,
В золоте спадающей листвы,
Пролегла дорога между нами
В поле поднебесной синевы.

Так же срубы пращуров оседлых
В тишине окраинной стоят.
Нет, не ошибались наши деды:
На века — чувашский стольный град!

Здесь, над Волгой, новостроек крыши,
Лепятся, как соты, этажи.

* Чебоксары (чув.).

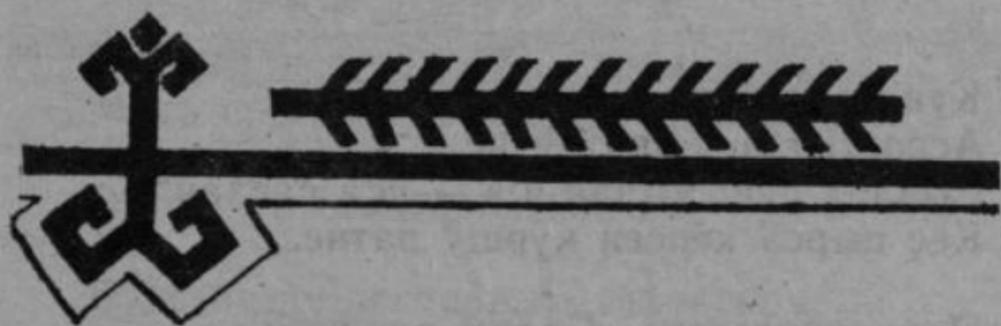
Ахальтен мар эс ёс умне тәратән
Вёри вай-халлә, сивёч аспалан...
Пёр-пёринчен, тәванәм, аякра та,
Чуна саванпала пёрлех ялан.

Шубашкар, ты с каждым годом — выше,
Подрастай, свою судьбу верши!

Реют чайки мирно над волною,
Это — их родимые края!

...Что-то в тебе новое, морское,
Волжская Венеция моя...

МУСҚАВРА ҶЫРНҌ СҌВҌСЕМ

АША САМАХ

Кунсерен ирпе куҗна уҗсассґн,
Асра тыт асу-аннў ятне.
Сывлґх сун: «Аван-и!» — уҗґ саслґн,
Кёҗ пырса кёрсен кўршў патне.

Пасарта илтем: «Салам алейкум!» —
Тёл пулсан кунта тутар-кунак.
Пултґр пирён йґлара ялан ку,
Пул сґпайлґ, ырґ вґрлґх ак!

Сар хёвел хёртсе пґхать җу кунё,
Ғул кайма тухсассґн ял хёрне.
«Чумрачи!» — тесе җын сывлґх сунё,
Ғак сґмах туслатё пёр-пёрне.

Шёкёр хулана каймашкґн тухрґм,
Тёрёслевҗё-хёр-мён, сыхґ пул!
— Здравствуйте! — тесе куҗран җеҗ пґхрґм,
Йґлл! кулса вґл сунчё ырґ җул.

СТИХИ, НАПИСАННЫЕ В МОСКВЕ

ДОБРОЕ СЛОВО

Просыпаясь каждым утром новым,
Мать с отцом не в суете вспомяни.
Хорошо при встрече добрым словом
Ободрить соседа: «Аван-и!»*

Будь везде достойным человеком,
И не будь заносчив или груб.
На базар пришел: «Салам алейкум!»*
Чтоб улыбка — у кунака с губ.

Лето на автобусной стоянке,
Словно стрелы, жаркие лучи.
Не встречай в пустую перебранку
И скажи зевластой: «Чумрачи!»*

Путь неблизкий до большого града.
Контролеру я скажу сейчас:
«Здравствуйте!»

Она ответным взглядом —
Просветленным — в путь проводит нас.

* Здравствуйте — по-чувашски, татарски и мордовски.

ШАЛКАМ ҶУМАР

Арбат. Ялтрарё тўпере
Ҷап-Ҷутā мāйрака пек ҶиҶём,—
Тўпе шартлатрё теплерен,—
Мускав кисренчё вёҶе-вёҶён.

КёҶ ячё Ҷумār витререн,
Вар пек шавлать шыв урām-сурām.
Кёпе таран исленесрен
Чул-метрора эп хўтлёх тупрām.

Чупса кёретёп васкаса.
Ман хыҶҶāн туртāнчё пур халāх.
Унта тип-типё те таса.
Тесе шутланā эпё калāх.

Пāхатāп: шыв тумлать Ҷўлтен,
Чула шāтарнā Ҷумār шывё.
Мускав та хўтлёхсёр иккен,
Ана сиплеймё халāх шавё.

ЛИВЕНЬ

Арбат. Идет по лужам дрожь.
Сверкнул на небе красный бивень, —
И свежий дождь, московский дождь
Вдруг превратился в жесткий ливень.

Стекает с лип он, как ситро,
Как водопад, несется с крыши.
Народ спасается в метро.
Бегу вослед. Но что я вижу?!

Там капли, как холодный град,
Сочится дождь сквозь свод бетонный.
Да... на глазах стареет град,
Уже до ручки доведенный!

И как же суетливы мы,
Внимая бардам митинговым:
Рукой подать и до сумы,
Москву ты не излечишь словом!

**РОБЕРТИНО ЛОРЕНТИ ЮРРИНЕ ИЛТНЁ ХЫЦСАН
ПУСА КИЛНЁ ШУХАШСЕМ**

Тәнлатәп... Мён ку? Тәхтәр-ха! Ҙапла,
Ача сасси... Епле хитре те савәк!
Робертино Лоренти-ске, тәнла!
Эп итлемешкён чарәнтәм пёр авәк.

Аса илетәп хам, тәнланә май,
Ҙав Рим ачи парәнтарма пултарчә
Ҙур тәнчене... Вунвицсәри шикмай...
Ҙаплаччә Ҙав ача сассин хәвачә!

Атте-анне, сәпка юрри-семми,
Тәван кәтес, шыв-шур та кәвакарчән...
Йәлт пур унта — тәнчен кивви-сәнни —
Чәрем Ҙине асамлә йёр хәварчә.

Ҙапла, хитреләх ёмёрех асра,
Ҙакна каллех аса илмешкён ыра.
Лоренти Робертино Мускавра
Каллех шәрантарать хаваслә юра.

**ДУМЫ, НАВЕЯННЫЕ НЕОЖИДААННО
ПРОЗВУЧАВШИМ ГОЛОСОМ
РОБЕРТИНО ЛОРЕТТИ**

О, мальчик поющий!
Как хочется мне
В эпоху большого развала,
Чтоб красное солнце на синей волне,
Как в юности ранней, вставало.

Горошком катается в горлышке «эр».
Открытое, звучное имя!
И день не печален, не хмур и не сер,
Он звуками полон твоими!

Сегодняшним ритмам, трясучим и злым,
Чужда эта светлая гамма,
Она, как молитва по добрым святым
Под куполом ясного Храма!

Я верю, когда озлобленье спадет
И вытрутся рваные ритмы,
Гармония в души людские войдет,
И музыка будет молитвой!

АТТЕ КИЛЁ

Поэма

I.

Ҷитме пултарё сын тёнче хёрне,—
Мён хакля, мён тасать ун ёмёрне?

Ун асёнче Таван Ҷёршыв малта.
Ҷёршыв пур чух — ытти пулать йалтах.

Унта этемён пур савапла ен —
Ҷурална ял-хула, унпа килен.

Таван ялта е хулара пур кил,
Асу-аннў — тўрех эс асна ил.

Тулать сын чунё сиплё телейпе
Ҷўренё чух ачалӑх Ҷулёпе.

Кур: Ҷурт тӑрри те тайӑлна... Пулин!..
Кӑкри тулли сывлать этем халь тин.

Пулни-иртни йӑлт Ҷыннан асёнче,—
Йӑлтӑртатса тӑрать умри тёнче.

Кил пур чухне патвар хунать ӑру.
Поэт, киле мухтатӑр сан юрру!

ОТЧИЙ ДОМ

Поэма

I

Судьба забросит и на край земли...
Но в роскоши, от Родины вдали,

Среди чудес заморских, все нежней
С тревогою мы думаем о ней:

Как там деревня? городок? село,
Где наше детство речкой протекло?..

Там на излучине остался дом,
Что нас от бури прятал под крылом.

А вдруг сегодня — брошен, одинок?
Быть может, он без сына занемог?!.

...В заплатках крыша, ветхость налицо.
Но выбегает детство на крыльцо,

Ликуя. Что там молния, что гром! —
Смеется под танцующим дождем.

Без дома ты — дорожная трава,
Или Иван, не помнящий родства.

Ҷын килсёр чух — телейсёр, мёскён чун,
Ни шанчакё, ни хўтлэхё Ҷук ун.

II.

...Тантәшсенчен пулман-ха катәкрах,
Эпир те пурәннә ыр кил-Ҷуртрах.

Чәваш аслашшё Яковлев Иван
Ҷёкленё пулнә Ҷак Ҷурта, тәван.

Патшаләхәмәр панә хваттере
Ҷуралнә кунтанпа туять чёре.

Пит Ҷамрәкла юлайнә аттерен,
Вәл Ҷурт та-мён лартса ёлкёреймен.

Ҷунат тёрекленсе Ҷитес чухне
Анне вёҶлерё йывәр кун-Ҷулне.

Шәпа вара ик Ҷамрәк тәләха
КёҶ уйәрчё килтен яланләха.

III.

...Пырса кёрсессён халь тәван яла,
Чёнетех килём: «Кёр курса шала...»

Хваттер те мар-мён, халё кунта класс,
Чи яш әру хама та палламасть.

Унччен вучах кёрленё вырәнта,
Шак хытән, парта речё курән та.

II

Отец был безлошадным бедняком,
 Он не успел себе поставить дом,
 Был слишком кратким путь его земной:
 «Мать береги! На свете нет такой...»
 И все же дом добротный был у нас —
 Усилада сердцу и отрада глаз,
 Он с нами плакал, радовался, жил,
 Дом Яковлев Иван для нас сложил.
 Он был чувашским праведным отцом
 С таким родным, заботливым лицом...
 В его-то школе жили мы тогда.
 Внезапная нагрязнула беда,
 Зима такую черною была,
 Такою вьюжной... Мама умерла!
 И мы простились с домом у ворот.
 И разбросала нас судьба, сирот...

III

Когда бываю я в родном селе,
 Смотрю на дом: наличники в смоле,
 Где раньше угол наш семейный был,
 Там школьный класс окошко отворил,

Мачча кашти ҫинче сўре пәти...
Вәл ҫеҫ сыхланнә ҫак куна ҫити.

Чөлхесёрскер, вәл аставать, манман,—
Хўтлевҫе те управҫа пулнә ман.

Пәта ҫапса атте ҫакать сәпка,
Анне юрлать мана ләпка-ләпка...

Ман хыҫҫән шәлләм сикнә сәпкара,
Паллах, халь вәл та аякра, ара.

Ўстернә те пире пёччен пәта,
Хәй вәхәт та илмен әна шута.

Ана йәлт маннә тейән ҫут тәнче,—
Ҫаплах ларать пәхса пуҫ тёләнче.

IV.

...Пулни-иртни куҫ умёнче йәлтах,
Паян иленнә яш әру кунта.

Ман шәлләмсем те йәмәксем, пехил!
Халь сирән сассәрпа кёрлетёр кил.

Тәван ҫёршывәм-килём, шуләм ман,
Ҫуралнә яләм, эп сире манман.

Пёкетеп пуҫама ҫере ҫити,
Ан сўнтёр ёмөрех ман кил ҫути.

Другое детство там сейчас живет,
Оно меня совсем не узнает.

Один свидетель прошлого, браток, —
Железный гвоздь, забитый в потолок.

Он — мой хранитель и моя свирель:
На нем качалась, пела колыбель,

Его отец забил давным-давно,
И, помню, приговаривал одно:

«Железный гвоздь, на славу послужи,
Покрепче зыбку детскую держи!»

Затем в той зыбке подрастал мой брат,
Был гвоздь своей святой работе рад,

Берег детей надежней строгих нянь,
И вот стихи — ему по праву дань.

А старый дом заботлив до сих пор,
Растит моих братишек и сестер,

И Яковлева дружная семья
Согласно обжила мои края.

С любовью возвращаюсь в отчий дом:
— Прими опять к себе учеником!

СОДЕРЖАНИЕ

Кусаракантан. От переводчика. Лев Бурдин	3
"Ас сўле вёсет-ха, кайкәр-кайәк..."	4
"Человек умеет все на свете..." Перевод В. Дворян- скова	5
"Кам типсе курман..."	6
"Кто не вяз в песках..." Перевод Е. Дунской.....	7

СЁТКЕНЛЁ СЁР ЧЁЛХИ ЯЛАНЛӘХ ЗЕМЛИ БЕССМЕРТНЫЕ ГЛАГОЛЫ

Языково	10
Языково. Перевод Е. Дунской	11
Тёлпулу	14
Встреча. Перевод Л. Бурдина	15
Кәвак йёр	18
Синий след. Перевод Л. Алексеевой	19
Гончаров Чёмпёрте	22
Гончаров в Симбирске. Перевод Л. Бурдина	23
Ылтән	26
Золото. Перевод Л. Бурдина	27
Уйрәлу сути	30
Свет разлуки. Перевод Л. Бурдина	31
Прислониha	32
Прислониha. Перевод Л. Бурдина	33

ЯЛ ХАВАЛЁ СЕЛЬСКИЕ МОТИВЫ

"Ялавәр, Ялавәр, Ялавәр..."	34
"Ялавр, Ялавр. В волненье..." Перевод А. Мердеева	35
Ял	38
Село. Перевод Л. Бурдина	39
Суров	40

Суров. Перевод Л. Бурдина	41
Ватӓ йӓмра	44
Старая ветла. Перевод В. Иванова-Паймена	45
Шурсухал	46
Шурсухал. Перевод Л. Бурдина	47
Ака уйӓхӓ	48
Апрель. Перевод П. Маштакова	49
Коновалов сачӓ	52
Сад Коновалова. Перевод Л. Бурдина	53

ВӓХӓТ ЧУППИ БЕГ ВРЕМЕНИ

Хура хӓл	56
Черная зима. Перевод Г. Медведовского	57
Кӓрхи сӓнсем	60
Осенние мотивы. Перевод Г. Медведовского	61
"Ни кӓр сӓнтереймест, ни хӓл..."	64
"Уже не осень, но и не зима...". Перевод Г. Медведовского	65
"Ларать пӓрт умӓнче кичеммӓн..."	68
"Вот липа юная у дома..." Перевод Г. Медведовского	69
Сулсем	70
Дороги. Перевод Г. Медведовского	71
Ылтӓн тенӓрен	74
О золоте. Перевод Л. Бурдина	75
"Вӓл тенӓчене килсе Чуманлӓха кисретнӓ..."	76
"В этом мире тот и жив поныне..." Перевод Л. Бурдина	77
Вӓхӓт чуппи	78
Бег времени. Перевод Л. Бурдина	79

АЛҘ ПАНИ РУКОПОЖАТИЕ

Таван чёлхе	80
Родной язык. Перевод Л. Бурдина	81
АлҘ пани	82
Рукопожатие. Перевод Л. Бурдина	83
Инкке	84
Инкке. Перевод Л. Бурдина	85
Шупашкар	88
Чебоксары. Перевод Л. Бурдина	89

МУСКАВРА-СЫРНА СЌВЌСКЕМ СТИХИ, НАПИСАННЫЕ В МОСКВЕ

АшҘ сҗмах	92
Доброе слово. Перевод Л. Бурдина	93
Шалкҗм сумҗр	94
Ливень. Перевод Л. Бурдина	95
Робертино Лоретти юррине илтнҗ хысҗҗан пуҗа килнҗ шухҗшсем	96
Думы, навеянные неожиданно прозвучавшим голосом Робертино Лоретти. Перевод Л. Бурдина	97
Атте килҗ. Поэма	98
Отчий дом. Поэма. Перевод Л. Бурдина	99

Юман А. Ф.

Ю 41 Синий след. Стихотворения, поэма. — Ульяновск, «Симбирская книга», 1992. — 112 с.

В сборнике собраны произведения известного чувашского поэта, написанные им в разные годы.

Автор живет и работает на Ульяновской земле. Здесь зарождалась национальная культура, создавалась письменность, обрели крылья первые чувашские писатели и поэты, композиторы и музыканты — представители всех слоев интеллигенции. Все это не могло не отразиться в творчестве Анатолия Юмана. Он с любовью пишет о прошлом и настоящем своего края, о его простых людях и исторических личностях, при этом ему чуждо национальное самоограничение.

ISBN 5-8426-0101-X

ББК 84 ЧУВ.6

Анатолий ЮМАН (Анатолий Федорович ЕРМИЛОВ)

СИНИЙ СЛЕД

Избранные стихи, поэма

Сборник издан в авторской редакции

Художник	В. Я. Кашеев
Технический редактор	Н. И. Давыдова
Корректоры	Е. Н. Мустаева, И. А. Давыдова

Сдано в набор 15.10.92. Подписано в печать 20.10.92.
Формат 60x90¹/₃₂. Бумага типографская.
Гарнитура Литературная. Усл. печ. л. 3,5.
Усл. кр.-отт. 3,62. Уч.-изд. л. 4,2 Тираж 1000 экз.
Заказ N 3754

Малое предприятие "Симбирская книга"
432021, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 52
Государственное предприятие областная типография
"Печатный двор"
432061, г. Ульяновск, ул. Пушкарева, 13

Анатолий
Юман.

Анатолий Юман (Ермилов Анатолий Федорович) родился 28 октября 1932 года в деревне Средние Алгаши Цильнинского района Ульяновской области. Долгие годы работал в Цильнинской районной газете. В настоящее время является заместителем редактора Ульяновской областной чувашской газеты «Канаш» («Собеседник»).

Пишет на чувашском языке. В Чувашском книжном издательстве вышли поэтические сборники «Колыбель счастья» (1972 г., поэма), «Говорит Симбирский камень» (Поэмы, 1975 г.), «Бесшабашные» (Сатирические стихи, рассказы, 1986 г.), «Крылья» (Стихи, поэма, 1988 г.), «Отметины на сердце» (Стихи и поэмы, 1992 г.). Стихи и поэмы регулярно публикуются в периодических изданиях Чувашской республики и в поэтических сборниках.

В 1991 году в Приволжском книжном издательстве вышел сборник «Рукопожатие», познакомивший русского читателя с творчеством А. Юмана.

Он — член Союза писателей России.